

Е. Е. Хазимуллина

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8132-7758

Ю. С. Фомина

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0183-8713

 E-mail: lenahk@gmail.com; ufom@mail.ru.

Маркеры принадлежности материалов террористическим организациям (по результатам комплексной лингвистико-религиоведческой экспертизы)

АННОТАЦИЯ. В ситуации вуалирования конфликтного содержания, конспирации деятельности экстремистов и террористов атрибуция текстов затруднена. Методика анализа фактов словесного экстремизма, разработанная в Центре лингвистических экспертиз и редактирования БГПУ, показывает высокую эффективность и включает в себя следующие процедуры: а) выявление коммуникативных намерений говорящего; б) описание стратегий и тактик вуалирования конфликтного содержания; в) извлечение скрытой семантики, в том числе побуждения; г) характеристику актов вовлечения; д) лингвистическую и религиоведческую атрибуцию текста.

В статье рассматриваются способы установления отнесенности текстов к экстремистским и террористическим организациям при проведении комплексной, лингвистико-религиоведческой экспертизы. На основе анализа более 7 тысяч текстов выявлены вербальные и невербальные маркеры их принадлежности террористическим организациям «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), «Исламское государство», «Имарат Кавказ», а также экстремистской организации «Таблиги Джамаат» (организации запрещены в РФ). Такими маркерами выступают полные и краткие названия организаций, наименования членов по статусу в иерархии организации; наличие политической программы, позитивная характеристика деятельности организации, отрицание ее террористической / экстремистской сути; базовая литература, обязательная для изучения адептами и членами организаций; специальные названия и алгоритмы проведения публичных и частных встреч; обязательность вовлечения новых членов; обоснование необходимости военных, террористических, деструктивных действий, их детализация в отношении конкретных социальных групп; установка на гласность либо конспирацию деятельности организации; инструкции по хранению, использованию и распространению запрещенной литературы, мерам противодействия силовикам в случае задержания, ареста; система особых идеологем и др. Подчеркивается, что в случаях вуалирования идентификационных признаков текста его лингвистическая и религиоведческая атрибуция должна осуществляться с опорой на макроконтент, дискурс, на знание экспертом идеологии существующих экстремистских и террористических организаций, их базовой литературы, отраженной в производных текстах в виде интертекстуальных элементов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: атрибуция текста; экстремизм; террористические организации; терроризм; судебная экспертиза; политический дискурс; экстремистские тексты; лингвистико-религиоведческая экспертиза.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Хазимуллина Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, руководитель Центра лингвистических экспертиз и редактирования, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; 450008, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской Революции, 3а; e-mail: lenahk@gmail.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Фомина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; 450008, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской Революции, 3а; e-mail: ufom@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хазимуллина, Е. Е. Маркеры принадлежности материалов террористическим организациям (по результатам комплексной лингвистико-религиоведческой экспертизы) / Е. Е. Хазимуллина, Ю. С. Фомина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 197-204. — DOI 10.26170/pl19-06-25.

Определение принадлежности материалов той или иной экстремистской или террористической организации, в условиях маскировки конфликтного содержания, представляет собой сложную проблему не только для правоохранительных органов, но и для специалистов, проводящих судебную экспертизу. Актуальность ее решения не нуждается в доказательстве: весь мир потрясают взрывы, внезапные террористические

атаки, многочисленные преступления против личности, социальных групп и государств, вовлечение в эту деятельность через интернет (соцсети, YouTube) носит публичный, массовый характер, не имеет территориальных ограничений.

Вопрос, адресованный лингвисту: «Имеются ли в представленных материалах высказывания, направленные на вовлечение в деятельность террористической организации

„Хизб ут-Тахрир аль-Ислами“ („Партия исламского освобождения“) / „Исламское государство“ / „Имарат Кавказ“ / экстремистской организации „Таблиги Джамаат“?), — как и религиозно-политический вопрос: «Имеются ли в представленных материалах прямые или косвенные указания на их принадлежность террористической организации „Хизб ут-Тахрир аль-Ислами“ („Партия исламского освобождения“) / „Исламское государство“ / „Имарат Кавказ“ / экстремистской организации „Таблиги Джамаат“?» (организации запрещены в РФ) — предполагают вычленение в религиозно-политических текстах таких признаков, которые обнаруживают подобную принадлежность. Данная прикладная, экспертная задача по сути представляет собой вариант классической филологической задачи по атрибуции текста — установлению авторства, каких-либо сведений об адресанте речи, времени и месте создания текста, принадлежности его определенной литературной, в том числе национальной, эстетической школе и т. д.; см.: [Лихачев 2001; Книговедение 1982; Галяшина 2001; Памятка 2004; Луценко 2004; Жеребило 2016]. Религиоведы также решают ее традиционно, исходя из инструментария своей науки: устанавливают религиозный либо нерелигиозный характер организаций, относимость материалов к какой-либо конкретной религиозной группе, конфессии, движению и т. п.

Важно подчеркнуть, что побудительные тексты, как правило, содержат маркеры их отнесенности к той или иной организации, что обусловлено установкой на воздействие, замыслом говорящего, его психологическими мотивами («Если таких мотивов не существует, то у человека не появляется ни мысли, ни всех последовательных ступеней оформления мысли в развернутом высказывании» [Лурия 2002]). Даже если текст намеренно лишен всех формальных примет авторской индивидуализации и идентификации речи, подтекст, формируемый субъективным, аффективным отношением к передаваемой информации, как правило, включает в себя компоненты, продиктованные истинными мотивами говорящего (в противном случае текст полностью утрачивает способность к воздействию). «Посвященные» читатели / зрители / слушатели считывают эти сигналы (это так называемый «имплицитный контекст» — понятие Т. Слама-Казак), и экспертам, решающим задачи объективного, всестороннего, исчерпывающего исследования, необходимо уметь их обнаруживать в конфликтогенном тексте. В противном случае они упускают множественные случаи манипулирования смыслом, скрытой пропаганды.

Наша практика проведения комплексных, лингвистико-религиоведческих судебных экспертиз демонстрирует продуктивность применения особой методики, направленной на более точную квалификацию фактов словесного экстремизма, — посредством: а) выявления коммуникативных намерений говорящего; б) описания стратегий и тактик вуалирования конфликтогенного содержания; в) извлечения скрытой семантики, в том числе содержания актов побуждения, в частности призывов; г) характеристики актов вовлечения (кто? кого? в какие действия? с какой целью? в какой степени успешно вовлекает?); д) лингвистической и религиоведческой атрибуции текста — с опорой на макроконтекст (по сути когнитивный, коммуникативно-прагматический и шире — дискурсивный аспекты существования высказываний, пропозицию), учет идеологии существующих экстремистских и террористических организаций. Многие такие организации, будучи нацеленными на решение гиперзадач (свержение строя, образование новых государств, обеспечение господства какой-либо религии, социальной, национальной или расовой группы и т. п.), распространяют хорошо продуманные учебные комплексы, включающие в себя обязательную для поэтапного изучения литературу и иные материалы, с интертекстуальными отсылками в виде специфической лексики и фразеологии (в том числе идеологем), точечных цитат, аллюзий, намеков и т. д. Они применяют особые приемы речевой конспирации, направленные на: 1) снижение правовых рисков; 2) вуалирование смыслов, которые не должны быть доступны адептам на ранних этапах их вовлечения («якорения») в деятельность этих организаций, см. об этом [Хазимуллина 2016].

Атрибуция в случае судебной экспертизы экстремистских материалов предполагает: а) поиск прямых (вербальных) указаний на их принадлежность какой-либо организации (см.: «Обращение Амира **Имарата Кавказ** Докку Абу Усмана и амира Супьяна к моджахедам...»; «**Мы, члены партии «Хизб ут-Тахрир», призываем...**»; «**Мы, как хизбии, должны...**»; «...это **призыв джама'ата таблиг**, чей центр находится в Низамуддине»; «**Правил таблига:...** об-служивать и вдохновлять товарищей в **джама'ате**»; «**Сегодня, здесь, в Дауле, мы на джихаде... Так называемые мусульмане! Вы должны здесь, наша дауля, наше государство здесь. Вы должны здесь установить дауля!**»); б) идентификацию, сравнение текстов (нередко — производящего и производного, вторичного, например, комментария, краткого или более полного изло-

жения, списка вопросов и заданий к первичному тексту, таблицы отчетов об осуществляемой деятельности, видеобращения, прокламации, пресс-релиза, доклада, кодекса правил, инструкции, памятки, клятвы, политической / боевой программы и т. п., созданных на основе «базовых» идеологических текстов, принадлежащих конкретным авторам или организациям); в) выявление в них сквозных тем, характерных стратегий и тактик их раскрытия, повторов, типовых речевых приемов, клише (в том числе идеологем), целевой аудитории, способа воздействия на нее, системы аргументации, типов обращений и самопрезентации (тексты разных организаций регулярно обнаруживают специфику данных параметров: к примеру, текстам экстремистской организации «Таблицы Джамаат» присущи рассуждения о дружбе и любви мусульман друг к другу (слабая политизированность), о воспитании 6 качеств «исламского благочестия», тема «хиджры» (переселения) и объединения мусульман всего мира; вооруженный джихад они не выводят на первый план, хотя и считают его необходимым для борьбы с неверными и вероотступниками. Террористическая же организация «ИГИЛ» настроена непримиримо не только по отношению к неверным (нацелена на их полное физическое истребление), она пропагандирует вынесение такфира «отклонившимся» мусульманам, их убийство, т. е. проповедует культ насилия, смерти, шахидство, беспощадный наступательный джихад); г) интерпретацию / дешифровку актуального речевого смысла (в частности призывов и других видов побуждения) в соотнесенности с макроконтекстом, с другими текстами; д) описание характера акта коммуникации (официальная / неофициальная, публичная / личная), в том числе коммуникативных ролей, субординации, иерархичности участников взаимодействия, с учетом экстралингвистических факторов, типа и содержания дискурса (к примеру, «Таблицы Джамаат» тяготеют к «проповедям» в мечетях, «Хизб ут-Тахрир» — к публичным (видео-)воззваниям, митингам, прокламациям, «Имарат Кавказ» и «ИГИЛ» — к обращениям, записанным в обстановке военных, насильственных действий); е) анализ способа порождения речи (спонтанная / подготовленная), формы речевой интеракции (монолог, диалог, полилог), см. [Галяшина 2001], жанра речи (беседа, прения, спор, полемика или же проповедь, молитва), интенций и регистра общения (в том числе мягкое / категоричное волеие и т. д.). Естественно, что все эти задачи лингвисты и религиоведы решают строго в соответствии со

своей профессиональной компетенцией. Как правило, религиоведческая и лингвистическая атрибуция текстов осуществляется на основе совокупности, комплекса признаков.

Целью данной работы является описание методики, позволяющей установить принадлежность конфликтогенных текстов террористическим либо экстремистским организациям с помощью ряда вербальных и невербальных маркеров. Результаты исследования были получены посредством применения к обширному конфликтогенному речевому материалу метода дискурс-анализа, контекстуального, интертекстуального анализа, идентификации, атрибуции текста, лингвопрагматического, интен-анализа, контент-анализа, а также лексико-семантического, логико-грамматического, лингвостилистического, лингвосемиотического анализа, методов семантического и тематического поля.

Более 7 тыс. изученных нами текстов регулярно показывают вариативность по следующим маркерам, позволяющим определить принадлежность текстов к той или иной экстремистской / террористической организации:

1) полные и краткие наименования организаций: «Партия исламского освобождения», «Хизб ут-Тахрир», «Hizb ut-Tahrir Presents», «www.Htvideo.info», «ХТ МЕДИА РОССИИ», «http://hizb-russia.info», «http://htvideo.info», «Member of Hizb ut-Tahrir. Russia», «ХТ», «НТ», «www.hi», «Хизб», «Исламское государство», «ИГ», «ИГИЛ», «Таблицы Джамаат», «джамаат» и «Таблицы» (в одном контексте), «Имарат Кавказ», «imaratkavkaz.3gp». Вариативны также косвенные номинации («Дар аль-Ислам», «до/ауля», «The Khilafah», «tema-mujahida-4.avi», «Kavkazcenter.com», «KavkazChat.com», «Kavkaz.tv», «wap.kavkaz.tv», «kavkazcenter.info», «2 operacii mudjahidov_KBK_chast_1_gotov.3gp», «IMAMTV»), в том числе указывающие на то, что речь идет об определенном объединении людей: «партия», «(партийное) сплочение», «www.turkiye-vilayeti.org», «(политическое) движение», «группа», «победная группа», «фирма», «ячейка». Косвенные единицы служат идентификаторами организаций только в совокупности с идеологемами и другими признаками;

2) названия членов организации и вербуемых в них по принадлежности и статусу в иерархии организации («ХТшник», «хизбий», «хизбовец», «тахрировцы», «дагватчик», «да(а)ватчик», «таблиг», «таблиговец», «игиловец», «да/оулил», «джамаатчик», «халиф», «амир», «мутамад», «масул», «мусоид», «накыб», «накиб ёрдамчиси» (помощник накыба), «ответственный», «муш-

риф», «шабаб», «дарис», «зиярат» и др.). Используются также косвенные единицы, называющие членов организаций по их функции, соотносящейся с главной целью организации и методом ее достижения: «наместники на земле», «политики», «политические деятели», «руководители», «муджахиды», «воины (на пути) Аллаха», «войско Аллаха», «шахиды» (должны оцениваться экспертами в совокупности с идеологемами и другими признаками). Об объединенности присутствующих как членов какой-либо организации свидетельствует регулярное применение тактики «мы»-общения;

3) авторская принадлежность изданий идеологам, основателям и другим членам организаций, позитивные отзывы, цитаты, ссылки на их работы: Такиуддин ан-Набхони, Абдул-Кадим Заллум, Ата Ибн Халил Абу Рашта, Мухаммад Ильяс Кандехлеви, Абу Бакр аль-Багдади и др.;

4) принадлежность изданий, медиапродуктов террористическим / экстремистским организациям: «Издание Хизб-ут-Тахрир», «Центральный Информационный офис Хизб-ут-Тахрир», «Медиа офис Хизб-ут-Тахрир Россия», «Информационный офис Хизб-ут-Тахрир в Турции», «Информационный офис Хизб-ут-Тахрир в Бангладеш», «Информационный офис Хизб-ут-Тахрир Вилаят Бангладеш»;

5) наличие политической программы, раскрывающей (с разной степенью детализации) цели, этапы и методы ее реализации; позитивная характеристика деятельности организации, отрицание ее террористической / экстремистской сути, осуждение вынесенных судебных решений в отношении членов таких организаций; подробное освещение различных аспектов истории и современной деятельности организаций; пропаганда, агитация вступления в их ряды;

6) наличие базовой литературы, обязательной для изучения адептами и членами организаций, контрольных вопросов, тестов, других методических разработок для эффективности обучения («концентрированное просвещение» — в «Хизб-ут-Тахрир»), изменения сознания и поведения адептов, контроля их деятельности и личной жизни (такая литература активно и чаще всего конспиративно распространяется, изучается, читается вслух на занятиях, обсуждается членами экстремистских / террористических организаций; на ее основе создаются вторичные тексты — доклады, прокламации, обзоры и проч.): «Комплект для зиярата», «Миляф Идарий», «Система Ислама», «Социальная система ислама», «Партийное сплочение», «Концепция Хизб-ут-Тахрир»,

«Исламская личность», «Исламское государство», «Проект конституции исламского государства Халифата», «Основы исламской нафсии», «Крепость мусульманина», «Избранные хадисы», «Ценности Таблига», «Ценности Корана», «Ценности Намаза», «Ценности Рамадана», «Ценности Зикра» и др. Почти все указанные издания входят в Федеральный список экстремистских материалов;

7) обязательность клятв, присяги, наличие административных правил, устава, инструкций по осуществлению деятельности («Присяга амиру», «Байат Халифу Ибрагиму абу Бакру аль-Багдадий», «Гимн ИГИЛа», «Миляф Идарий», «Шесть качеств», «Обязанности амира», «Адаб в мечети», «Даават», «Хизмат — служение людям» и др.);

8) наличие специальных названий и алгоритмов (в том числе сценариев) проведения публичных и частных встреч: «зиярат», «халакат», «сухбет», «амали», «марказ», «машура», «шура», «иджтема», «даават / даават», «таблиг», «исламский призыв», «исламское просвещение», «проповедь», «пропаганда», «собрание», «собрание-бдение», «беседа», «гашиг», «распространение учения от двери к двери», «харудж», «обучение», «занятие» и др. В целях конспирации регулярно используются также косвенные номинации: «чаепитие», «(позвать) на плов / на шашлык», «ифтар» (должны учитываться только в совокупности с другими признаками);

9) обязательность вовлечения в организации новых членов, помощников, сочувствующих — трансляторов их идей; наличие инструкций по способам и принципам вовлечения, по работе с членами организаций на разных этапах вовлечения;

10) стандартная манера внешнего оформления, различное качество печатной литературы, видеопродукции (использование символики, атрибутики организаций; типографский / кустарный способ издания литературы; профессиональные / любительские / авторские видеоролики / фильмы для Интернета / аудиозаписи);

11) оправдание, обоснование необходимости военных, террористических, деструктивных действий, их детализация в отношении конкретных социальных групп (иноверцев, вероотступников, женщин, детей «врагов»); наличие инструкций по уничтожению социальных групп и их представителей; противопоставление организации представителям той же религии («искренние» / «неискренние» мусульмане, «чистый», «истинный» / «нечистый», «неистинный» ислам); различная степень приверженности религиозным обрядам,

канонам веры и детализация системы наказаний за отступления от них;

12) установка на гласность либо сокрытие (конспиративность) деятельности организации, принадлежности к ней; наличие инструкций по хранению, использованию и распространению запрещенной литературы, мерам противодействия силовикам в случае задержания, ареста;

13) система особых идеологием, основных теоретических положений и практических установок осуществления деятельности организации, ср. [Баран 2004; Егоров 2016; Жирухина 2014; ИГИЛ 2015; Ильминская 2014; Комиссина 2011; Кузьменко 2015; Мавевская 2015; Моисеев, Шаганян 2015; Старостин 2015; Федорченко, Крылов 2015], например: «озаряющее мышление» — 'мышление, просвещенное в духе идеологии террористической партии „Хизб ут-Тахрир“', «искренний мусульманин» — 'работающий над установлением Халифата, в том числе в рядах партии „Хизб ут-Тахрир“', «исламская / политическая личность» — 'просвещенная в духе идеологии партии „Хизб ут-Тахрир“ и работающая над установлением Халифата в ее рядах', «носитель исламского призыва» — 'член партии „Хизб ут-Тахрир“, который осуществляет идеологическое просвещение других людей в целях установления Халифата по методу этой партии', «претворяют ислам (практически)», «претворяют ислам полностью» — 'работать над установлением Халифата по методу партии „Хизб ут-Тахрир“ — посредством политической борьбы и вооруженного джихада', «по методу Пророка» — 'работать над установлением Халифата по методу партии „Хизб ут-Тахрир“: посредством сплочения мусульман, исламского призыва, политической борьбы и вооруженного джихада', «работать над установлением Халифата» — 'осуществлять политические действия согласно идеологии партии „Хизб ут-Тахрир“ в целях установления всемирного Халифата'; «партийное сплочение» — 'объединение мусульман в рядах террористической партии „Хизб ут-Тахрир“', «лечить людей Кораном» — 'осуществлять исламское просвещение / просвещение в духе идеологии террористической партии „Хизб ут-Тахрир“ в целях избавления людей от неверия, другой веры' и т. д.

Перечисленные признаки по-разному подразделяются на прямые и косвенные в лингвистическом и религиоведческом заключении — в зависимости от профессиональной компетенции специалистов.

В случаях вуалирования идентификационных признаков речи, текста их лингвистическая и религиоведческая атрибуция долж-

на осуществляться с опорой на макротекст, дискурс, в котором создается и воспринимается этот текст, знание экспертом идеологии существующих экстремистских и террористических организаций, их базовой литературы, отраженной в производных текстах в виде интертекстуальных элементов. Макроконтест (социально-политическая, дискурсивная ситуация, в которой создается и воспринимается конфликтный текст) выступает компенсирующим фактором, обеспечивающим адекватность и полноту восприятия скрытой информации.

В экстремистском печатном, аудио- и видеотексте значимыми являются политический, религиозный, идеологический, экономический, исторический, социокультурный, ситуативный, психологический и паралингвистический элементы макроконтеста. Объективными маркерами целенаправленной инклюзии таковых в полотно текста выступают: 1) контраст информационных потоков — внешнего и подтекстного (к примеру, в заявленное изначально рассуждение о содержании хадисов или религиозных обрядов могут вклиниваться комментарии по поводу несправедливости существующей власти, социальных отношений, процветания ушедшего в небытие Халифата и упадка «кафирской» цивилизации, необходимости изменений); такой контраст может быть выражен также в противопоставленности значений, стилистической маркировки используемых средств; 2) многократный повтор единиц, составляющих базовый идеологический, религиозно-политический тезаурус и скрыто, пошагово репрезентирующих программу деятельности той или иной экстремистской / террористической организации, например: усердно «читать дуа» — «объединиться в команды, группы / сплотиться» — овладеть «исламским образом мыслей», становиться «исламской личностью», «работать» — «бороться», «вести политическую и идеологическую борьбу», «идти по пути Аллаха / Пророка» — «возродить исламский образ жизни» посредством «джихада душой и телом» / «(практически) претворить ислам в жизнь по методу Пророка» — «жить по законам шариата, процветать», «как это было во времена Посланника Аллаха» (программа террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», с закодированными речевыми смыслами, требующими тщательной дешифровки); 3) компоновка постоянного набора высказываний, оформленных как цитаты из религиозных источников, нередко — в одной и той же последовательности; 4) употребление идеологием как средств уплотнения инфор-

мации, интертекста, а также эвфемизации речи в целях снижения правовых рисков, см. [Осадчий 2016]: «выполнять приказы и требования Аллаха», «жить по законам шариата», «возобновить исламский образ жизни», «исправлять недостатки других людей», «изменение порочной реальности», «нести руководство ислама другим людям» и т. п.; 5) оговорки (в аудио- и видеозаписях): «...стремиться к тому, чтобы вер... соблюдать эти законы, возродить эти законы так, как это было во времена Посланника Аллаха» (= 'вернуть Халифат; работать над восстановлением Халифата'); «Но нет же — люди стали... править, будем всегда думать сами, жить, как хотели» (= 'люди отказались от исламского государства, шариатского правления; разрушили Халифат'); 6) применение специальных речевых стратегий и тактик (манипулятивной апелляции к «экспертному мнению» и ценностям, значимым для религиозного сознания мусульман, примера успешной реализации призывных действий, положительной оценки желательной для говорящего действий и отрицательной — их отсутствия, нереализованности и др.), использование косвенных жанров — призыва-мольбы (с обязательным социально-политическим компонентом (само-)побуждения, например, к установлению исламского государства, приближению победы над «кафирами»), одобрения, осуждения, увещевания, устыжения, угрозы, обещания вознаграждения и др.

Очевидно, что полнота и точность экспертного анализа зависит не только от собственно профессиональных знаний исследователя, но и от его экспертной компетенции, опыта изучения подобных материалов, владения макроконтекстом, элементы которого позволяют идентифицировать речь с точки зрения ее отнесенности к той или иной экстремистской / террористической организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баран З. Хизб ут-Тахрир: политическая радикализация ислама. — Вашингтон : Центр Никсона, 2004. — 134 с.
2. Галышина Е. И. Лингвистическое обеспечение криминалистического исследования устного и письменного текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы международной конференции «Диалог». 2001. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2001/articles/galyashina/> (дата обращения: 03.11.19).
3. Егоров Е. Н. Движение «Таблиги Джамаат»: идеология и специфика деятельности // Исламоведение. 2016. Т. 7. № 3. С. 5—16.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. — Назрань : Пилигрим, 2016. 610 с.
5. Жирухина Е. В. Информационные стратегии радикального исламистского подполья на Северном Кавказе (На примере организации «Имарат Кавказ») // Полития. 2014. № 1 (72). С. 47—60.
6. ИГИЛ как угроза международной безопасности : монография / под ред. А. В. Глазовой. — Москва : РИСИ, 2015. — 188 с.
7. Ильминская М. Ф. Феномен «Исламского государства»: идеология, политическая цель, причины успеха // Вестник РУДН. Сер. «Политология». 2014. № 4. С. 118—129.
8. Книговедение : энциклопедический словарь / гл. ред. Н. М. Сикорский. — Москва : Советская энциклопедия, 1982. 664 с. URL: <http://redkayakniga.ru/knigovedenie/item/f00/s00/e0000110/index.shtml> (дата обращения: 03.11.19).
9. Комиссина И. Н. Движение «Таблиги джамаат»: теория и практика радикализма // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1 (6). С. 45—65.
10. Кузьменко Н. С. Валюативная модель джихада на примере сообщества «Имарат Кавказ» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 85—93.
11. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв). — Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. 759 с.
12. Лурья А. Р. Письмо и речь: нейролингвистические исследования. — Москва : Академия, 2002. 352 с.
13. Луценко Е. В. Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов в системно-когнитивном анализе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2004. № 03 (005). С. 44—64. URL: <http://ej.kubagro.ru/2004/03/pdf/03.pdf> (дата обращения: 03.11.19).
14. Маевская Л. Б. ИГ: идеологические вызовы современному евразийскому пространству // Современные евразийские исследования. 2015. № 3. С. 105—112.
15. Моисеев С. В., Шаганян А. М. Экстремистская религиозная партия «Джамаат таблиг»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия : учебно-методическое пособие. — Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. 24 с.
16. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2016. 254 с.
17. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М. В. Горбаневского. — Москва : Медея, 2004. 104 с.
18. Старостин А. Н. Идеологические истоки ИГИЛ, практики агитации и методы информационного противодействия радикалам // Мусульманский мир. 2015. № 4. С. 55—66.
19. Федорченко А. В., Крылов А. В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО. 2015. № 2 (41). С. 174—183.
20. Хазимуллина Е. Е. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // «Acta linguistica petropolitana». Труды института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. 12. Ч. 3. С. 453—469.

E. E. Khazimullina

Bashkir state pedagogical university named after M. Akmulla, Ufa, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8132-7758

Yu. S. Fomina

Bashkir state pedagogical university named after M. Akmulla, Ufa, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0183-8713

 E-mail: lenahk@gmail.com; ufom@mail.ru.

Markers for Identification of Terrorist Organization Texts (as a Result of Comprehensive Linguo-Religious Expertise)

ABSTRACT. Attribution of texts is complicated in the situation of veiling conflictogenic content and camouflage of extremist and terrorist activity. The methods of analysis of facts of verbal extremism developed at the Center for Linguistic Expertise and Editing of the Bashkir State Pedagogical University demonstrate high efficiency and include the following procedures: a) identification of the speaker's communicative intentions; b) description of strategies and tactics of conflict content veiling; c) extraction of hidden semantics, including inducement; d) characteristics of involvement acts; e) linguistic and religious attribution of the text.

The article discusses the ways to identify texts as belonging to extremist and terrorist organizations via a comprehensive linguo-religious examination. The analysis of more than 7,000 texts reveals verbal and nonverbal markers of their attribution to terrorist organizations such as «Hizb ut-Tahrir al-Islami» («Islamic Party of Liberation»), «Islamic State», the «Caucasus Emirate» and the extremist organization «Tablighi Jamaat». Such markers include full and short names of organizations, names of members by status in organization hierarchy; presence of a political program, positive characteristic of the organization's activities and denial of its terrorist / extremist nature; basic literature to be studied by adepts and members of the organizations; special titles and algorithms of conduct of public and private meetings; compulsory involvement of new members; justification of military, terrorist and destructive actions, their detailing in relation to specific social groups; orientation to publicity or secrecy of the organization activity; instructions for storage, use and distribution of illegal literature, counteraction to security forces in case of detention or arrest; system of special ideologemes, etc. It is emphasized that in cases of veiling the identification markers of a text, its linguistic and religious attribution should be based on macro-context, discourse, expert knowledge of the ideology of the existing extremist and terrorist organizations, and their basic literature reflected in derivative texts in the form of intertextual elements.

KEYWORDS: text attribution; extremism; terrorist organizations; terrorism; forensic expertise; political discourse; extremist texts; linguo-religious expertise.

AUTHOR'S INFORMATION: Khazimullina Elena Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General Linguistics, Head of the Center for Linguistic Expertise and Editing, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Fomina Yuliya Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General Linguistics, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia.

FOR CITATION: Khazimullina, E. E. Markers for Identification of Terrorist Organization Texts (as a Result of Comprehensive Linguo-Religious Expertise) / E. E. Khazimullina, Yu. S. Fomina // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 197-204. — DOI 10.26170/pl19-06-25.

REFERENCES

1. Baran Z. Hizb ut-Tahrir: the political radicalization of Islam. — Washington : Nixon Center, 2004. — 134 p. [Hizb ut-Tahrir: politicheskaja radikalizacija islama. Vashington : Centr Niskona, 2004. — 134 s.]. — (In Rus.)
2. Galyashina E. I. Linguistic support of forensic research of oral and written text // Computer Linguistics and Intelligent Technologies : Materials of the International Conference «Dialogue». 2001. [Lingvisticheskoe obespechenie kriminalisticheskogo issledovanija ustnogo i pis'mennogo teksta // Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii : materialy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog». 2001]. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2001/articles/galyashina/> (date of access: 03.11.19). — (In Rus.)
3. Egorov E. N. The movement «Tablighi Jamaat»: ideology and specifics of activity // Islamic Studies. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 5—16. [Dvizhenie «Tabligi Dzhamaat»: ideologija i specifika dejatel'nosti // Islamovedenie. 2016. T. 7. № 3. S. 5—16]. — (In Rus.)
4. Zherebilo T. V. Dictionary of linguistic terms and concepts. Nazran : Pilgrim, 2016. — 610 p. [Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponjatij. Nazran' : Pilgrim, 2016. — 610 s.]. — (In Rus.)
5. Zhirukhina E. V. Information strategies of the radical Islamist underground in the North Caucasus (For example, the organization «Emirate of the Caucasus») // Politia. 2014. No. 1 (72). S. 47—60. [Informacionnye strategii radikal'nogo islamistskogo podpol'ja na Severnom Kavkaze (Na primere organizacii «Imarat Kavkaz») // Politija. 2014. № 1 (72). S. 47—60]. — (In Rus.)
6. ISIS as a threat to international security : monograph / ed. A. V. Glazova. Moscow : RISI, 2015. — 188 p. [IGIL kak ugroza mezhdunarodnoj bezopasnosti : monografija / pod red. A. V. Glazovoj. Moskva : RISI, 2015. — 188 s.]. — (In Rus.)
7. Il'minskaya M. F. The phenomenon of the «Islamic state»: ideology, political goal, reasons for success // Bulletin of the RUDN University. Ser. Political science. 2014. No. 4. P. 118—129. [Fenomen «Islamskogo gosudarstva»: ideologija, politicheskaja cel', prichiny uspeha // Vestnik RUDN. Ser. Politologija. 2014. № 4. S. 118—129]. — (In Rus.)
8. Bibliology : Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. N. M. Sikorsky. Moscow : Soviet Encyclopedia, 1982. — 664 p. [Knigovedenie : jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. N. M. Sikorskij. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1982. — 664 s.]. URL: <http://r.edkaykniga.ru/knigovedenie/item/f00/s00/e0000110/index.shtml> (date of access: 03.11.19). — (In Rus.)
9. Komissina I. N. The movement «Tablighi Jamaat» : theory and practice of radicalism // Problems of National Strategy. 2011. No 1 (6). P. 45—65. [Dvizhenie «Tabligi dzhamaat»: teorija i praktika radikalizma // Problemy nacional'noj strategii. 2011. № 1 (6). S. 45—65]. — (In Rus.)
10. Kuzmenko N. S. A valuative model of jihad based on the example of the «Caucasus Emirate» // Scientific notes of the

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Culturology. 2015. Vol. 1 (67). No. 2. P. 85—93. [Valjuativnaja model' dzhihad na primere soobshhestva «Imarat Kavkaz» // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija. 2015. T. 1 (67). № 2. S. 85—93]. — (In Rus.)

11. Likhachev D. S. Textology (based on Russian literature of the 10th-17th centuries). — St. Petersburg : Aletheia, 2001. — 759 p. [Tekstologija (na materiale russoj literatury X-XVII vv). Sankt-Peterburg : Aletejja, 2001. — 759 s.]. — (In Rus.)

12. Luria A. R. Letter and speech: neuro-linguistic studies. — Moscow : Academy, 2002. 352 p. [Pis'mo i rech': Nejrolingvisticheskie issledovanija. Moskva : Akademija, 2002. 352 s.]. — (In Rus.)

13. Lutsenko E. V. Attribution of anonymous and pseudonymous texts in system-cognitive analysis // Polythematic Network Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University. 2004. No. 03 (005). P. 44—64. [Atribucija anonimnyh i psevdonimnyh tekstov v sistemno-kognitivnom analize // Polite-maticheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2004. № 03 (005). S. 44—64]. URL: <http://ej.kubagro.ru/2004/03/pdf/03.pdf> (date of access: 03.11.19). — (In Rus.)

14. Mayevskaya L. B. IS: ideological challenges to the modern Eurasian space // Modern Eurasian Studies. 2015. No. 3. P. 105—112. [IG: ideologicheskie vyzovy sovremennomu evrazijskomu prostranstvu // Sovremennye evrazijskie issledovanija. 2015. № 3. S. 105—112]. — (In Rus.)

15. Moiseev S. V., Shaganyan A. M. Extremist religious party «Jamaat Tablig»: history of origin, activity, problems of counteraction: a training manual. — Barnaul : Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 24 p. [Jekstremistskaja religioznaja partija «Dzhamaat tablig»: istorija proishozhdenija, dejatel'nost', problemy protivodejstvija : uchebno-meto-

dicheskoe posobie. — Barnaul : Barnaul'skij juridicheskij institut MVD Rossii, 2015. 24 s.]. — (In Rus.)

16. Osadchy M. A. Russian language on the verge of law: The functioning of the modern Russian language in the conditions of legal regulation of speech. — Moscow : Book House LIBRO-COM, 2016. 254 p. [Russkij jazyk na grani prava: Funkcionirovanie sovremennogo russkogo jazyka v uslovijah pravovoj reglamentacii rechi. — Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2016. 254 s.]. — (In Rus.)

17. Memo on the appointment of a forensic linguistic examination: for judges, investigators, investigators, prosecutors, experts, lawyers and legal advisers / ed. M. V. Gorbanevsky. — Moscow : Medea, 2004. 104 p. [Pamjatka po voprosam naznachenija sudebnoj lingvisticheskoj jekspertizy: dlja sudej, sledovatelej, doznavatelej, prokurorov, jekspertov, advokatov i juriskonsul'tov / pod red. M. V. Gorbanevskogo. — Moskva : Medeja, 2004. 104 s.]. — (In Rus.)

18. Starostin A. N. The ideological sources of ISIS, agitation practices and methods of informational counteraction to radicals // The Muslim World. 2015. No. 4. P. 55—66. [Ideologicheskie istoki IGL, praktiki agitacii i metody informacionnogo protivodejstvija radikal'm // Musul'manskij mir. 2015. № 4. S. 55—66]. — (In Rus.)

19. Fedorchenko A. V., Krylov A. V. The phenomenon of the «Islamic state» // Vestnik MGIMO. 2015. No. 2 (41). P. 174—183. [Fenomen «Islamskogo gosudarstva» // Vestnik MGIMO. 2015. № 2 (41). S. 174—183]. — (In Rus.)

20. Khazimullina E. E. The mechanism of speech involvement in the activities of extremist organizations // «Acta linguistica petropolitana». Proceedings of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2016. V. 12. Part 3. P. 453—469. [Mehanizm rechevogo vovlechenija v dejatel'nost' jekstremistskih organizacij // «Acta linguistica petropolitana». Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. 2016. T. 12. Ch. 3. S. 453—469]. — (In Rus.)